

УДК 327.39, 316.32 (477)

С. Г. Цыкуренко

**ИНТЕГРАЦИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР В УКРАИНСКОЕ ОБЩЕСТВО:
ОСНОВНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ
В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ СФЕРЕ**

Одной из приоритетных задач этнонациональной политики Украины является репатриация и интеграция армян, болгар, греков, крымских татар и немцев, депортированных из Крыма сталинским режимом по национальному признаку в период Великой Отечественной войны.

В силу масштабности, сложности, противоречивости и политической значимости внимание профессиональных политиков и политологов, а также широких слоев населения особенно привлекает процесс интеграции крымских татар.

Попытаемся проанализировать основные тенденции процесса интеграции крымских татар в украинское общество и крымский социум, достижения и проблемы на этом направлении становления украинского общества и государства.

I. Интеграция репатриантов – общенациональная задача

Хозяйственно-бытовое обустройство и интеграция крымских татар во все сферы жизнедеятельности украинского общества являются стратегическими задачами для каждой крымскотатарской семьи, для украинского общества и государства.

Это общенациональная задача, которая характеризуется масштабностью (по данным переписи 2002 года, в Крыму проживают 258,5 тыс. крымских татар), объективными (политико-правовыми, социально-экономическими) и субъективными сложностями, с которыми сталкиваются субъекты этого процесса в ходе реализации комплекса задач интеграции репатриантов.

Под субъектами процесса интеграции крымских татар понимаются украинское государство и общество – политические партии, общественные и иные организации, в том числе организации крымскотатарского национального движения (КТНД), представляющие интересы репатриантов и оказывающие существенное влияние как на государственную политику в этой сфере, так и на общественное мнение.

Процесс интеграции крымских татар является также предметом заинтересованности многих иностранных государств, высоких международных институций (ООН, ПАСЕ, ОБСЕ и др.) и частных организаций (Фонд Сороса и др.), которые стремятся способствовать интеграции, демонстрируя при этом различные, порой противоречивые подходы. Украина активно сотрудничает с мировым сообществом в этом вопросе. Иначе и быть не может, хотя бы потому, что, декларируя свой европейский выбор, Украина обязана следовать европейским стандартам, в том числе и в отношении состояния национальных меньшинств.

Важно отметить, что подходы государства и организаций КТНД по многим аспектам процесса интеграции совпали, что позволило существенно продвинуться в реализации политико-правовых и социально-экономических задач интеграции. Так, в результате энергичных мер украинского государства практически все репатрианты получили возможность приобрести украинское гражданство в упрощенном порядке. В рамках общеполитического процесса (без предоставления квот) крымские татары добились представительства в органах власти всех уровней. В Верховной Раде Украины крымские татары представлены тремя народными депутатами, в Верховной Раде Автономной Республики Крым (АРК) – восемью депутатами, трое крымских татар являются членами Совета Министров АРК, в органах местного самоуправления крымские татары составляют примерно 12%. За годы независимости Украины из государственного и республиканского бюджетов на решение комплекса социально-экономических задач интеграции выделено более 776 млн грн. Высокими темпами возрождается национальная культура и традиционная религия крымских татар – ислам.

Отметим, что эти позитивные достижения стали возможны потому, что **украинское общество позитивно относится к государственной политике помощи репатриантам и поддерживает её в интересах их скорейшей интеграции в украинское общество.** В Украине нет ни политических партий, ни общественных организаций, которые выражали бы несогласие с возвращением, адаптацией и интеграцией репатриантов, реализацией масштабных государственных и республиканских программ интеграции, финансируемых за счет всех налогоплательщиков Украины.

II. Основные политико-правовые проблемы интеграции

Однако весомые позитивные результаты, достигнутые за годы независимости Украины, не должны заслонять объективно существующие серьезные проблемы интеграции. Закрывать глаза на эти проблемы было бы недальновидно и безответственно, как для государства, так и для общества, частью которого являются и наши соотечественники – крымские татары.

Если социально-экономические проблемы интеграции определяются в основном дефицитом материальных ресурсов и неэффективностью управления, то политико-правовые проблемы – главным образом политическими притязаниями КТНД.

Какова природа основных политико-правовых проблем?

Во-первых, прошедший еще в 1992 году II Курултай крымскотатарского народа принял Декларацию “О национальном суверенитете крымскотатарского народа”, которая провозгласила суверенитет крымскотатарского народа над всей территорией Крыма и поставила цель – создать национальную крымскотатарскую государственность в Крыму. Примечательно, что термин “интеграция” в Декларации не используется, Декларация же остается основным программным документом Курултая-Меджлиса и по сей день. Схожую позицию занимает большинство других организаций КТНД.

В отличие от КТНД, государство до сих пор, по крайней мере формально, не определило политико-правовые и социально-экономические параметры и стандарты интеграции – т.е. рамочные и качественные характеристики этого процесса, конечные и этапные цели.

Это обстоятельство порождает неопределенность и, как следствие, непонимание значительной частью украинского общества сути государственной политики интеграции. Отсюда – необоснованные ожидания и требования со стороны репатриантов, обвинения в неоправданно завышенном внимании к репатриантам со стороны других категорий граждан. Отсюда – произвольные, зачастую необъективные оценки ситуации ангажированных политологов, тиражируемые СМИ политические спекуляции вокруг так называемой крымскотатарской проблемы (“Крым a la Kosovo” и т.п.) с негативным для Украины и Крыма международным резонансом.

Во-вторых, если КТНД обосновывает свои стратегические цели естественным историческим правом на суверенитет на своей национальной территории в Крыму, то украинское государство до сих пор не сформулировало концептуальных оснований осуществляемой им политики интеграции.

Между тем представляется, что **единственным основанием осуществляемой Украиной политики интеграции репатриантов из числа депортированных лиц является добрая воля государства Украина и Украинского народа – граждан всех национальностей**, которые руководствуются при этом стремлением восстановить справедливость по отношению к жертвам депортации. Стремлением, базирующимся на демократических и гуманистических ценностях.

Это вытекает из того очевидного факта, что **государство Украина не несет правовой (юридической) ответственности за акты депортации граждан бывшего СССР**. Кроме того, следует учитывать, что депортация лиц по этническому признаку из Крыма осуществлялась не с территории Украины, а с территории бывшей РСФСР, в состав которой Крымская область входила в период осуществления депортации.

Этническая политика Украины в отношении восстановления прав депортированных лиц фактически является уникальным и беспрецедентным в мировой практике явлением, по крайней мере на пространстве СНГ. К примеру, Грузия вообще не рассматривала возможность возвращения депортированных турок-месхетинцев на их историческую родину – в Грузию. Не нашли новой родины турки-месхетинцы и в России. Украинское же государство, осуществляющее масштабную политику интеграции крымских татар, постоянно обвиняется многими представителями КТНД не только в недостаточности усилий в этом направлении, но и в геноциде (?), и в этноциде (?) крымскотатарского народа.

В-третьих: до сих пор остается неясным вопрос, понимается ли организациями КТНД процесс интеграции крымских татар в украинское общество как их органическое вовлечение и активное участие в созидании украинского государства и украинской политической нации. Или же это должен быть процесс этнической самоизоляции или добровольной сегрегации крымских татар, на что было обращено внимание европейских парламентариев на слушаниях ПАСЕ “Репатриация и интеграция крымских татар” (Страсбург, 5 апреля 2000 г.).

В-четвертых: в крымском обществе существует определенный потенциал конфликтности, сосредоточенный главным образом в этнополитической плоскости. Возрастание этого потенциала по тем или иным причинам (отметим, что число эксцессов в последнее время резко возросло) влечет возрастание уровня конфликтно-

сти в собственно межэтнических (межнациональных) отношениях в быту, на производстве и т.п.

В-пятых: в Украине нет дискриминации или ущемления гражданских прав по этническому признаку (противоположного мнения придерживаются некоторые функционеры КТНД, не представляя при этом убедительных для украинского общества и мирового сообщества доказательств). По результатам социологических исследований, в Крыму стабильно самый низкий уровень ксенофобии в стране, в целом процесс интеграции носит позитивный характер.

С учетом этого есть основания полагать, что критическое возрастание конфликтности в сфере межэтнических (межнациональных) отношений в Крыму гораздо более вероятно вследствие целенаправленной организованной деятельности, нежели вследствие стихийных массовых проявлений протеста против этнической политики государства.

Из сказанного следует, что **ответственность за возрастание потенциала межэтнической (межнациональной) конфликтности несут субъекты этнополитических отношений – государство и организации КТНД.**

Скорее всего, по нашему мнению, в сложившейся ситуации эскалация может стать следствием возрастания политизации межэтнических отношений. Другими словами, эскалация конфликтности между самими этническими общностями или между этническими общностями и государством наиболее вероятна в случае осуществления элитами этнических сообществ радикальной политической деятельности, направленной на эскалацию отношений либо с другими этническими сообществами, либо с государством в интересах достижения собственных политических целей. Такими целями как раз и могут быть сепаратизм и автономизация того или иного региона по национальному признаку.

Отметим, что и само государство может спровоцировать и стихийные, и организованные этнические конфликты в том случае, если им – государством – осуществляется дискриминация определенных этнических общностей. В отношении украинского государства такая перспектива маловероятна, но лишь при том условии, если сохранится преемственность основного принципа этнонациональной политики действующего Правительства Украины – принципа обеспечения гарантий равноправия индивидуальных и коллективных прав граждан, независимо от их этнической принадлежности.

III. Интеграция и этнополитические аспекты безопасности Украины в Крыму

Актуальность проблем безопасности в контексте процесса интеграции, по нашему мнению, определяется следующими основными факторами:

1. Борьбой за суверенитет крымскотатарского народа путем создания национальной крымскотатарской государственности в Крыму, которую ведут организации КТНД.

2. Проявлениями сепаратизма и попытками автономизации по этническому признаку отдельных регионов Украины, квалифицируемыми Законом Украины “Об ос-

новах национальной безопасности Украины” как потенциальные угрозы национальным интересам и национальной безопасности страны¹.

3. Наличием в Крыму определенного потенциала конфликтности в этнополитической сфере и в межэтнических (межнациональных) отношениях, возрастание которого несет угрозы для государства и общества.

Проанализируем эти факторы.

Рассмотрим фактор борьбы организаций КТНД за создание национальной крымскотатарской государственности в Крыму.

Вполне очевидно, что такая государственность означает автономизацию Крыма по национальному (этническому) признаку, что противоречит Закону Украины “Об основах национальной безопасности Украины”.

Однако все годы, прошедшие со времени принятия Декларации о национальном суверенитете в 1992 году, функционеры Меджлиса крымскотатарского народа и его многочисленных структур на местах, других политических организаций КТНД не устают подтверждать свою решимость реализовать цель построения национальной государственности и соответствующим образом агитируют крымскотатарское население. И это не просто декларации.

Фактически усилиями организаций КТНД, прежде всего Курултая-Меджлиса, в Крыму уже заложены основы крымскотатарской национальной государственности.

Приведем ее основные признаки. Упомянутая Декларация о национальном суверенитете крымскотатарского народа представляет собой прообраз будущей конституции.

Активно действует вертикаль органов национального самоуправления, включающая в себя центральный представительный орган – Курултай (съезд) и центральный исполнительный орган Меджлис, в структуре которого действуют несколько функциональных управлений, а также региональные и сотни местных меджлисов в местах компактного проживания крымских татар. Функционирование такой структуры управления невозможно без финансирования, что предполагает наличие источников финансирования, которые находятся “в тени”, так как эта структура не имеет юридического статуса. Функционерами Меджлиса ставится вопрос о введении специального налога (?) для крымских татар с целью формирования “национального бюджета” (?). Другими словами, речь идет о создании фискально-финансовой системы для крымских татар, параллельной государственной.

Меджлис осуществляет независимую внешнеполитическую деятельность.

Судя по высказываниям в СМИ лидера Меджлиса М. Джемилева, эта структура имеет собственную службу безопасности, которая осуществляет незаконную оперативно-розыскную деятельность.

Под патронатом Курултая-Меджлиса действуют Духовное управление мусульман Крыма, десятки моноэтнических крымскотатарских общественных организаций, крымскотатарские печатные и вещательные СМИ.

Однако на практике реализация цели создания крымскотатарской национальной государственности сталкивается с весьма серьезными трудностями, которые, даже

¹ Статья 7 Закона Украины “Об основах национальной безопасности Украины”, № 964-IV от 19/06/2003.

по оценкам Меджлиса, вряд ли могут быть преодолены в сколько-нибудь близкой перспективе¹. И вот почему.

Во-первых, создание крымскотатарской государственности в Крыму неприемлемо для абсолютного большинства негатарского населения Крыма, которое составляет примерно 87%. Это означает, что, например, референдум по этому вопросу однозначно отвергнет проект создания крымскотатарской национальной государственности в полиэтничном Крыму.

Примеры решения вопроса национальной государственности по образцу Карельской, Башкирской и многих других автономных республик бывшего СССР, где титульные этносы составляли порядка 9-40% от общего населения, на которые ссылается М. Джемилев, несостоятельны хотя бы потому, что, собственно, это не прецеденты, не результат свободного волеизъявления граждан, но результат волюнтаристской ленинско-сталинской национальной политики, столь отвергаемой самим М. Джемилевым.

Во-вторых, достаточно трудно представить, чем гипотетическая крымскотатарская национальная автономия будет принципиально отличаться от существующей Автономной Республики Крым. Будут ли успешней решаться сложные социальные проблемы? Возрастет ли экономический потенциал или плодородие почв? С большой вероятностью можно предположить, что абсолютное большинство крымчан – и русских, и украинцев, и крымских татар – ответят на эти и подобные вопросы однозначно: в лучшую сторону ничего не изменится. Только структуры власти будут формироваться на преимущественно этнических основаниях – на принципах этнократии, что несовместимо с европейским выбором Украины.

И третье. Отсутствует правовая база и, соответственно, правовые механизмы реализации этой цели. Действительно, достаточно трудно представить, каким образом в современных условиях можно конституировать крымскотатарскую национальную государственность, т.к. для этого потребуются внесение принципиальных изменений в Конституцию и законодательство Украины, в том числе в отношении изменения статуса Автономной Республики Крым, легитимность которой основывается на результатах референдума.

Указанное дает основания для вывода о том, что в современных условиях декларируемая крымскотатарской политической элитой цель – создание в Крыму крымскотатарской национальной государственности – легитимным путем не достижима.

Однако современность изобилует примерами борьбы за суверенитет и свержения законных правительств вне правовых рамок. Методы такой борьбы достаточно хорошо известны:

1. Вооруженный захват власти внутренними силами (например, Косово, Приднестровье, Абхазия и другие самопровозглашенные государства).

2. Вмешательство извне в форме вооруженной агрессии (Кипр) или путем осуществления специальных операций с целью формирования политической оппози-

¹ Заведующий политико-правовым управлением Меджлиса крымскотатарского народа Н. Бекиров считает, что построение крымскотатарской государственности может произойти примерно через 200 лет.

ции, способной свергнуть законные правительства – т.н. “бархатные” революции (Югославия, Грузия).

3. Террористическая деятельность (Баскония, Северная Ирландия, Корсика, Филиппины и т.д.).

Представляется оправданным рассмотрение предпосылок и возможности возникновения терроризма в Крыму под лозунгами создания крымскотатарской государственности.

Все известные организации КТНД осуществляют свою деятельность с использованием исключительно ненасильственных методов. Объективная невозможность построения национальной государственности легитимным путем требует внесения соответствующих корректив в их программные установки. Если такие коррективы не будут внесены, то будет продолжаться соответствующая агитация крымскотатарского населения в отношении необходимости создания национальной государственности.

Примером воздействия такой агитации может служить намерение ветерана КТНД поэта Р. Чайлака начать голодовку под лозунгом “Национальная государственность или смерть!” – когда пятеро его единомышленников немедленно откликнулись на призыв присоединиться к голодовке. Функционер одной из организаций КТНД Н. Ибадуллаев недавно заявил: “Государство подталкивает нас решать наши проблемы в рамках мусульманской государственности и не оставляет ничего другого, как принять идеологию ислама”.

Нельзя также недооценивать наличие в КТНД радикальных и экстремистских кругов, деятельность которых приводит к таким эксцессам, как, например, массовые самозахваты земельных участков на Южном Берегу Крыма, штурм здания горотдела милиции в Судаче, столкновения с органами правопорядка в пос. Симеиз. Формальное отмежевание Меджлиса от этих акций может быть подтверждением того, что Меджлис утрачивает контроль над развитием ситуации.

Представляется, что принятие КТНД исламской концепции построения национальной государственности может стимулировать проявления терроризма, что соответствует общемировым тенденциям.

Отмечая незыблемость позиции КТНД в отношении ненасильственных методов политической борьбы, следует все же иметь в виду расширение присутствия в Крыму форм ислама, не традиционных для крымских татар. Речь идет о прогрессирующей динамике распространения в Крыму мусульманских общин, функционирующих вне рамок Духовного управления мусульман Крыма (ДУМК), что был вынужден признать Муфтий ДУМК Аджн Эмиралли эфенди на курултае мусульман Крыма в апреле 2004 года. Такие мусульманские общины, которых в Крыму несколько десятков, сами крымские татары называют ваххабитскими, а их членов – ваххабитами. Распространением ваххабизма среди крымскотатарского населения озабочен и Меджлис, который, тем не менее, использует помощь международных исламских организаций.

Ситуация достаточно тревожна в свете следующих примеров. В канун годовщины депортации в 2003 году в Симферополе и во всех регионах Крыма неизвестными лицами были распространены листовки ваххабитского содержания за подписью из-

вестной экстремистской организации “Хизб-ут-тахрир”. Литература ваххабитского толка на протяжении последних лет систематически распространяется, по крайней мере, в симферопольских ВУЗах (данных по другим регионам АРК нет).

Лидер Меджлиса М. Джемилев неоднократно указывал представителям международных исламских организаций и Ближневосточных государств, инвестирующих процесс возрождения ислама в Крыму, на недопустимость искажения зарубежными миссионерами (в 2003 г. в Крыму проповедовали ислам 68 зарубежных миссионеров) традиционного для крымских татар ислама.

С проявлениями ваххабизма многие крымчане все чаще сталкиваются в повседневной жизни, что вызывает у них обоснованную обеспокоенность и тревогу.

Тем не менее М. Джемилев отрицает опасность распространения ваххабизма в Крыму на основании незначительности масштабов этого явления.

Признавая его право на личное мнение, приведем и альтернативную точку зрения о расширении масштабов распространения ваххабизма в Крыму. На эту тенденцию указывает Муфтий ДУМУ Тамим. О том же свидетельствуют данные Госкомрелигий Украины. Турецкий исследователь М. К. Чифтчигозель обоснованно указывает на эту тенденцию в статье “Столкновение Турции и Саудовской Аравии в Крыму” (www.yenisafuk.com/disi; 22.05.2002 г.). Отметим также, что на траурном митинге 18 мая 2004 г. в ознаменование шестидесятилетия депортации впервые за все предшествующие годы исламская составляющая была сведена к минимуму.

Констатируя реальность распространения в Крыму ислама ваххабитского толка, зададимся вопросом – кто составляет ваххабитское ядро в Крыму?

Некоторые сотрудники правоохранительных органов из числа крымских татар обоснованно указывают: ядро ваххабитского ислама в Крыму составляют бывшие лидеры распавшейся крымскотатарской организованной преступной группировки “Имдат”. Фактические данные свидетельствуют о том, что никто из лидеров ОПГ “Имдат” не был осужден и лишь немногие погибли в криминальных “разборках”.

Отметим также попытки некоторых организаций КТНД сделать крымским татарам “чеченскую прививку” – знамена и портреты бывшего лидера Ичкерии, соответствующие лозунги, атрибуты и акции – этому мы все были свидетелями.

Если данные о криминальном прошлом лидеров крымских ваххабитов соответствуют действительности, то угроза возникновения терроризма представляется весьма серьезной по следующим причинам. Коль скоро ОПГ “Имдат” прекратила свое существование лишь номинально, то есть основания полагать, что это группировка, свернув организованную преступную деятельность, сохранила свой потенциал: кадры – опытных лидеров и боевиков, обладающих опытом конспиративной и боевой деятельности, финансовые (т.н. “общак”) и материальные ресурсы (коммерческие структуры и т.п.). Важно отметить, что в 1995 году именно ОПГ “Имдат” организовала массовые беспорядки в районе г. Судака, в ходе пресечения которых правоохранительные органы впервые применили огонь на поражение.

В заключение сформулируем наиболее важные, на наш взгляд, выводы приведенного анализа ситуации:

1. Объективные предпосылки для создания крымскотатарской национальной государственности легитимным путем отсутствуют.

2. Наиболее влиятельные организации КТНД осуществляют политику, направленную не на созидание единой украинской политической нации – политического единства граждан всех национальностей Украины, а на этническую самоизоляцию крымских татар – добровольную сегрегацию.

3. С учетом набирающих силу тенденций представляется вероятным, что некоторые организации КТНД могут использовать экстремистские методы для достижения цели построения национальной государственности.

4. Именно организованный характер ваххабизма в Крыму является реальной угрозой возникновения терроризма, что диктует необходимость адекватной реакции со стороны государства.

С учетом этих выводов представляется важным, чтобы органы государственной власти определили основания и перспективы политики интеграции крымских татар в украинское общество и довели бы их до сведения всех граждан Украины, а соответствующие правоохранительные органы внесли ясность в проблему возникновения терроризма в Крыму.

Поступило в редакцию 14 июля 2004 г.